

**Речь, произнесенная на трибуне Национального конвента  
27 брюмера II года Республики, единой и неделимой,  
Анахарсисом Клоотсом,  
депутатом департамента Уазы**

Материалы сборника

**«Атеизм и борьба с церковью**

**в эпоху Великой французской революции»,**

подготовленного и изданного Центральным советом

Союза воинствующих безбожников СССР

под редакцией и с предисловием *Ц.Фридлянда*.

Огиз - Государственное антирелигиозное изд-во. Москва, 1933

Веб-публикация: Марта и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

Позвольте мне, граждане коллеги, предложить нам исправить обиду, нанесенную разуму. Законодательным собранием, которое по христианскому наущению епископа кальвадосского, гильотинной памяти,\*\* отложено принятие одного из моих философских произведений, являющегося плодом четырех лет работы по 15 часов в день. Это сочинение, своеобразное по своему методу и по тактике, любопытное своими подробностями и рассуждениями, одним ударом подрывает все древние и новые откровенные религии. Оно озаглавлено «Достоверность доказательств магометизма». Оно носит такое название потому, что я там швыряю мусульманина под ноги других религиозников, которые падают друг на друга. Моя книга заменяет целую огромную библиотеку.

Философское извержение, поражающее ныне наши революционные взоры, является результатом пятидесяти лет работы и преследований.\*\*\* В результате мужественного и дерзкого нападения на все ложные откровения мы достигли эпохи откровения здравого смысла. Обращение широких масс народа показывает нам теперь, что философы сеяли не в неблагоприятную почву и что успех заблуждения гораздо менее быстр, чем успех вечных принципов. Ныне настало время, когда благословение истины заставляет забыть зловредную хулу обмана. Я радуюсь тому, что меня подвергал преследованиям парижский архиепископ, я горд этим сознанием именно теперь, когда я вижу, как все духовенство Франции отрекается от учения, против которого я направлял целые тома за десять лет до взятия Бастилии. При господстве королей и попов мне никогда не прощали моего излюбленного девиза «Истина и Свобода».

Лишь своим непрерывным путешествиям, своему независимому космополитизму я обязан тем, что мне удавалось избежать мести духовных и светских тиранов. Я оказывался в Риме, когда меня хотели засадить в тюрьму в Париже, и попадал в Лондон, когда меня собирались сжигать в Лиссабоне; лишь перебрасываясь из одного конца Европы в другой, я успевал спастись от сбиров, альгвазилов, французских полицейских, от всех господ и от всех лакеев. Наконец пришла революция, и я теперь в своей родной стихии, ибо свобода, а не место создает гражданина, как отлично сказал Брут (об этих словах крепко забыл ваш докладчик о законе против иностранцев). И вот я также имел неблагоприятность забыть мою родную колыбель ради мысли о колыбели всемирной республики, если только распространять просвещение в столице мира – значит забыть родную страну. Как бы там ни было, мои переселения окончились, когда началось переселение преступников. Возрожденный Париж стал постом оратора рода человеческого, и я не покидаю его с 1789 г.

Именно с этих пор я удвоил свою ревность против так называемых владык неба и земли. Я во всеуслышание стал проповедовать, что нет другого бога кроме природы, другого владыки кроме рода человеческого, народа-бога. Этот народ довлеет самому себе. Судите о величии свободного человеческого рода по величию французского народа, являющегося только его частью. Судите о непогрешимости целого по прозорливости части, которая уже одна заставляет дрожать весь рабский мир. Чем больше будет расти масса свободных людей, тем меньше будет боязни у людей перед великими личностями. Подозрительные и боязливые люди исчезнут вместе с тиранией. Всеобщее уравнивание противодействует какому бы то ни было мятежу и восстанию. У Комитета безопасности всемирной республики будет меньше хлопот, чем у комитета самой крохотной секции Парижа. Так же будет и со всеми министерствами и ведомствами. Моя республика – антипод бюрократии: в ней будет мало ведомств, мало налогов и совсем не будет палача. Разум соединит всех людей в единый представительный орган без всякой другой связи, кроме письменной. Это будет подлинная республика письменности и грамоты.

Граждане, религия – величайшее препятствие моей утопии. Но это препятствие, несомненно, не является непобедимым, ибо мы видим, как христиане и евреи состязаются между собой в торжественном отечении с своей религией. Так будет и везде, где будет принята конституция, везде, где люди обретут свои пять чувств. Конституция, не оставляющая священникам ничего, кроме балагана, отняв у них нашу мораль и наши деньги, эта конституция, показывая ложь и обман во всей их ужасной наготе, должна была непрестанно производить те чудеса, которые происходят у нас на глазах. Тем более что самый ход вещей и интересы людей направляют все умы к театру освободительной войны.

Я не буду с теми неразумными людьми, которые видят в этом интриги контрреволюционеров и воображают, что народ ведут в пропасть. Успокойтесь, добрые люди, народ не позволит больше себя вести: он съел свои помочи и знает больше всех учителей. Что касается перерядившихся аристократов, которые повторяют свою старую клевету против центральной коммуны, утверждая, что департаменты еще не созрели, то я пошлю их в Ниевр,\*\*\*\* на Сомму, в Рошфор и т.д., если только они не предпочитают пребывать в Вандее, священное неистовство которой ускорило исцеление наших победоносных республиканцев. Заметьте, граждане, что большинство тех, которые трусят теперь, было среди тех, кто порицал благоразумие якобинцев, выступавших последней осенью против преждевременного предложения одного из членов финансового комитета. Так вот, эти самые якобинцы, всегда стремящиеся схватить быка за рога, поднимаются теперь всей массой, чтобы безвозвратно размозжить все головы религиозной гидры. Благотельный террор рассеивает все фантастические страхи: ярость, говорит один древний, бывает только в первый день, следующий за дурным царствованием. Используем этот первый день; мы должны продлить его до завтрашнего дня, который будет днем освобождения мира.

Итак, общепризнанным является, что противники религии имеют великие заслуги перед родом человеческим. Именно по этим соображениям я требую для первого отрекшегося священника статуи в храме Разума. Достаточно назвать его, чтобы получить соответствующий декрет Национального конвента: это – неустрашимый, благородный, образцовый Жан Мелье из Этрепины в Шампани, философское «Завещание» которого внесло смятение в Сорбонну и в среду всех христопоклоннических групп. Память этого благородного человека, подвергшаяся хуле и бесчестию при старом режиме, должна быть реабилитирована при режиме природы.

Граждане коллеги, вы с благосклонностью примете оба моих предложения, ибо парижские архиепископы и кальвадосские епископы больше не властны над порядком дня.

\* Более привычный соврем. термин – «магометанство» или «мусульманство». – Ред. Vive Liberta

\*\* Речь идет об аббате Фоше, причисляемом к жирондистам, осужденном Революционным трибуналом и казненном осенью 1793 г. – Ред. Vive Liberta

\*\*\* Оратор имеет в виду борьбу с религией философов во второй половине XVIII в. - Ред. Vive Liberta

\*\*\*\* Вероятно, это косвенный ответ на нападки Робеспьера. - Ред. Vive Liberta

\*\*\*\*\* Комиссаром Конвента в деп.Ниевр был Жозеф Фуше, действительно проводивший антирелигиозную политику, не без внешнего успеха и без использования террористических методов. - Ред. Vive Liberta